

Манкиева Эсет Хамзатовна

ГЕНДЕР КАК ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье с опорой на труды Н. Л. Пушкаревой, Л. Д. Ерохиной рассматривается история формирования "женских штудий" как составной части антропоцентрической философии и литературоведения. Показана историческая подвижность "гендера" как философско-эстетической категории, качественное содержание которой зависит от ценностных приоритетов эпохи. Проведен диахронический анализ "гендерного дискурса" культуры от античности до эпохи критического реализма, отмечено маятниковое колебание статусов фемининного и маскулинного в общественном сознании. Основной методологический смысл статьи сводится к необходимости учета "направленческого фактора" при анализе гендерного дискурса художественного текста.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/12-4/9.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 12(78): в 4-х ч. Ч. 4. С. 38-41. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/12-4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список источников

1. **Бестужев-Марлинский А. А.** Аммалат-бек // Опальные русские писатели открывают Кавказ: антология: в 3-х т. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010. Т. 1. С. 55-109.
2. **Головко В. М.** Антропоцентрическая парадигма в литературоведении: концепция системной стратификации // Антропоцентрическая парадигма в филологии: материалы Международной научной конференции: в 2-х ч. / ред.-сост. Л. П. Егорова. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2003. Ч. 1. Литературоведение. С. 16-27.
3. **Гриценко Е. С., Сергеева М. В., Лалетина А. О., Бодрова А. А., Дуняшева Л. Г.** Гендер в британской и американской лингвокультурах: монография / под общ. ред. Е. С. Гриценко. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА; Наука, 2012. 224 с.
4. **Дружинин А. В.** Madmoiselle Jeannette: рассказ // Дружинин А. В. Собрание сочинений: в 2-х т. СПб.: В типографии императорской Академии наук, 1863. Т. I. С. 546-579.
5. **Лермонтов М. Ю.** Беглец // Лермонтов М. Ю. Избранные произведения. Л.: Лениздат, 1968. С. 253-257.
6. **Недзвецкий В. А.** Межкультурный диалог в «Аммалат-Беке» А. А. Бестужева-Марлинского, «Бэле» М. Ю. Лермонтова и «Madmoiselle Jeannette» А. В. Дружинина // Этносоциум и межнациональная культура. 2012. № 7 (49). С. 24-37.
7. **Толстой Л. Н.** Хаджи-Мурат // Толстой Л. Н. Повести. Рассказы / сост., вступ. ст. и коммент. И. И. Виноградова. М.: Сов. Россия, 1985. С. 385-499.

**ARCHETYPICAL IMAGE OF MOTHER IN THE “CAUCASIAN” WORKS “THE FUGITIVE”
BY M. YU. LERMONTOV, “AMMALAT-BEK” BY A. A. BESTUZHEV-MARLINSKY,
“MADMOISELLE JEANNETTE” BY A. V. DRUZHININ AND “HADJI MURAT” BY L. N. TOLSTOY**

Mankieva Eset Khamzatovna, Ph. D. in Philology
Lomonosov Moscow State University
aset.mankieva@mail.ru

“Mother” is one of the fundamental archetypal images of world culture which have many artistic and esthetic interpretations conditioned by the demands of a certain historical period, national traditions, writer’s individual worldview. The author examines the basic typological modifications of “mother” archetypal image by the material of the works of “Russian Caucasians” – M. Yu. Lermontov, A. A. Bestuzhev-Marlinsky, A. V. Druzhinin and L. N. Tolstoy. The images of “heroic”, “cross-cultural” and “pacifist” mother are identified as the key ones. Regardless of their multi-aspect nature, all “maternal images” have a common element – peacemaking efforts and will to terminate military conflict.

Key words and phrases: Russian literature; Caucasian war; M. Ya. Lermontov; A. A. Bestuzhev-Marlinsky; A. V. Druzhinin; L. N. Tolstoy; archetype of mother; modification.

УДК 80

В статье с опорой на труды Н. Л. Пушкиревой, Л. Д. Ерохиной рассматривается история формирования «женских штудий» как составной части антропоцентрической философии и литературоведения. Показана историческая подвижность «гендера» как философско-эстетической категории, качественное содержание которой зависит от ценностных приоритетов эпохи. Проведен диахронический анализ «гендерного дискурса» культуры от античности до эпохи критического реализма, отмечено маятниковое колебание статусов фемининного и маскулинного в общественном сознании. Основной методологический смысл статьи сводится к необходимости учета «направленческого фактора» при анализе гендерного дискурса художественного текста.

Ключевые слова и фразы: антропология; литературоведение; гендерный дискурс; историческая диахрония; античность; Средневековье; Возрождение; Просвещение; романтизм; реализм; методология.

Манкиева Эсет Хамзатовна, к. филол. н.
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
aset.mankieva@mail.ru

**ГЕНДЕР КАК ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА:
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Развитие антропоцентрического литературоведения на рубеже XX-XXI вв. обострило интерес исследователей к гендерной проблематике. К представителям самых разных гуманитарных наук приходит осознание того, что философская категория «человек» так и останется абстрактной категорией, если не конкретизировать ее сущность подкатегориями «взрослый», «ребенок», «юноша», «девушка», «мужчина», «женщина», «старик», «старуха» и т.д. Схожая мысль содержится в обстоятельной и глубокой статье В. М. Головки «Антропоцентрическая парадигма в литературоведении: концепция системной стратификации», где автор настаивает на необходимости рассматривать «человека» дифференцированно, стратифицированно, учитывая «экзистенцию живого индивида» [1, с. 16]. Похоже, исправить тысячелетнюю ошибку «абстрактной антропологии» взялась наука о гендере, для начала выделившая из «человековедения» два главных старта – «мужчину» и «женщину».

Генезис понятия «гендер» наиболее полно раскрыт в монографии Н. Л. Пушкаревой «Гендерная теория и историческое знание». Как отмечает исследовательница, в 1963 г. сотрудник Калифорнийского университета (Лос-Анджелес, США) Роберт Столлер, выступая на конгрессе психоаналитиков, впервые вводит в гуманитаристику инновационный термин «гендер» [9, с. 161]. Свою концепцию американский ученый строит на выделении в индивидууме двух относительно автономных начал: биологического и социокультурного. Так сложилось диалектическое двуединство терминов: «пол», имеющий отношение к биологии (хромосомы, гормоны, генетика, нервная система) и «гендер», номинирующий культурную надстройку человека (этика, педагогика, психология, языкознание, литература и т.д.).

Новый термин с выраженным «академическим удовлетворением» был воспринят всеми без исключения гуманитарными дисциплинами, где в особенности стараниями женщин-исследовательниц создаются «гендерно маркированные» ниши в различных научных сферах. Наибольший энтузиазм проявляют ученые феминистического толка, интерпретирующие гендер не просто как стратификационную категорию, но как действенный способ изменить «подчиненное положение женщины в сложившейся иерархии социальных ролей» [Там же, с. 162]. Необходимо сделать важное уточнение, связанное с корректировкой семантического содержания категории «гендер»: до 1990-х годов «гендерные» и «женские» исследования воспринимались как синонимы и означали сугубо «женский эмпирический или духовный опыт», «женскую специфику мировосприятия», вычлененные из общечеловеческого и противопоставленные аспектам «мужского». К началу же нового тысячелетия когнитивным общественным сознанием преодолевается сугубо монистическое значение термина, под гендером начинают понимать параллельное изучение «мужских и женских сущностей», всех мыслимых форм их взаимодействия и сосуществования в различных культурах и обществах. Как плодотворное и перспективное направление утверждается гендерная компаративистика, предусматривающая сравнительно-сопоставительное изучение социокультурной природы мужчин и женщин (*masculinity-femininity*). Так, современные отечественные и зарубежные исследования развиваются в двух направлениях: “*woman’s studies*” (женские исследования) и “*man’s studies*” (мужские исследования).

О том, что гендерные исследования все глубже укореняются в системе гуманитарных наук, говорит тот факт, что уже издан «Словарь гендерных терминов» (М., 2002). Сам термин «гендер», еще недавно резавший слух филологу и отсутствовавший, к примеру, в «Литературном энциклопедическом словаре» (М., 1987), уже официально значится в «Литературной энциклопедии терминов и понятий» (М., 2001). Как справедливо отмечает автор статьи «Гендер» в указанной энциклопедии А. Ю. Большакова (со ссылкой на Б. Хелдт), «игнорирование вопроса о гендерной природе текста означало бы сведение человеческого фактора в литературе к такому минимуму, который недопустим для большинства произведений искусства» [8, с. 161].

С каждым годом заметно расширяется семиотический объем понятия «гендер» и граница его применения. Об этом говорит огромное количество производных от слова «гендер» в русском языке, охвативших самые разные части речи: «гендерная асимметрия», «гендерно маркированный текст», «гендеролог», «гендерология», «гендероцентризм», «гендерлект», «этногендер» и др. В одном только «Словаре терминов межкультурной коммуникации», изданном в 2013 году, насчитывается 26 официальных терминов, производных от слова «гендер» [4, с. 72]. Данный факт свидетельствует о внутренней потребности «гендерных штудий» развить свой собственный терминологический инструментарий для более тонкого и точного анализа социокультурных явлений и художественных текстов.

Ученые отмечают также появление неологизмов, призванных компенсировать некоторый дефицит способов женского самовыражения из-за издревле сложившихся патриархальных канонов. Так, «в слове *history* (“история”) путем реверсии было выделено два компонента – *his* (“его”) и *story* (“история”), затем мужское местоимение *his* заменено на “женское” *her*. Полученный таким образом неологизм “*herstory*” выражает призыв пересмотреть историю, включив в нее и женщин – рассказать женскую историю человечества» [2, с. 10]. Той же печатью реверсивности отмечен и новый фразеологизм «Все люди – сестры», вновь акцентирующий внимание на необходимости более пристального внимания к статусу женщины в социальной жизни.

Антропологи, историки и этнографы установили относительность положения женщины и мужчины в зависимости от национальных традиций, цивилизационных условий, религиозных предрассудков, политических задач и т.д. Доказано, что биологические характеристики женщин и мужчин разных народов и разных исторических эпох не имеют принципиальных различий, но существенной может быть разница их социального статуса и гендерных стереотипов. Почти в каждой монографии по гендерной проблематике можно встретить положение о том, что в патриархальном обществе все мужское, маскулинное, считается первичным, значимым и доминирующим, а все женское, фемининное, квалифицируется как вторичное, малозначимое и зависимое.

Но не следует забывать о существовании, к примеру, эпохи матриархата (от греч. «мать», «начало» и «власть»), следы которого запечатлены в многочисленных древних мифах, сказаниях, образах языческих богинь и т.д. Под влиянием всевозможных факторов объективного характера (перемена климата, войны, приоритет охотничьего промысла над собирательством и др.) в определенный момент архаичное общество перестраивается на ходу, отдавая предпочтение мужчине с его физической силой, воинственностью, аналитическим холодным разумом.

Теоретическую базу патриархатной позиции в западно-европейской культуре заложил Аристотель, который «отождествил познание и рациональность с активным мужским началом, а хаотичную материю как низшую субстанцию – с пассивным женским» [3, с. 11]. По мнению античного философа, «мужчина – истинная форма человечества; женщина – несовершенство ума, низшее существо, слабый, вторичный пол» [Там же, с. 12].

Подобное воззрение на женщину подхватывается теологами эпохи Средневековья, именующими женщину «дьявольским сосудом», носительницей греховной чувственности, всего лишь средством для реализации продолжения человеческого рода, существом слабым и неразумным. Только смирение, преданность религиозной вере, выполнение предписаний Церкви, преодоление своей греховной телесной природы расцениваются отцами церкви как гарант спасения женщины после смерти.

Рассматривая далее диахронию статуса женщины в западно-европейской культуре, можно отметить отдельные «вспышки» почтительного к ней отношения. Это образ Прекрасной Дамы, воспеваемой куртуазными поэтами средневековой Франции, которые вкладывали в идеализацию этого образа культ девы Марии. Это период высокого Возрождения, когда гением Ф. Рабле, Сервантеса, Ф. Петрарки, У. Шекспира возмечается образ женщины, реабилитируется ее чувственность, высвобождаясь из-под гнета средневековых аскетических норм. Вершинным вариантом женского духовного раскрепощения этого периода можно назвать Катарину – героиню шекспировской комедии «Укрощение строптивой», которую автор наделяет сильным характером, волей, блестящим остроумием, интеллектом, превосходящим мужской разум.

Высоту шекспировского отношения к женщине стараются сохранить и по-своему развить просветители в XVIII в., в частности Д. Дидро, провозглашающий в «Монахине» право женщины на духовную свободу, на проживание собственной судьбы, а не навязанной извне. Под его пером монастырь, в который заключена Сюзанна, обретает символическое значение гендерного узничества и социальной обреченности женщины.

Сентиментализм оказался благодатной художественно-философской почвой для разрешения проблемы гендерной асимметрии в пользу женщины. Здесь, правда, следует сделать оговорку о том, что речь идет только о чувственной сфере. В произведениях С. Ричардсона «Памела, или Вознагражденная добродетель», Л. Стерна «Сентиментальное путешествие», Ж.-Ж. Руссо «Юлия, или Новая Элоиза», Н. М. Карамзина «Бедная Лиза» декларируется право женщины «любить любимого мужчину». Кстати, сразу обращает внимание выделение в перечисленных произведениях женского имени в заголовочный комплекс. При этом особое прогрессивно-гуманистическое значение имеет преодоление былого иерархического мышления и наделение статусом главной героини именно представительницы народа, чаще всего простолюдники. Данный эстетический феномен наилучшим образом выражен в хрестоматийной фразе русского сентименталиста Н. М. Карамзина: «И крестьянки любить умеют» [5, с. 607].

Поэтика романтизма отмечена двойственным отношением к женщине. Первый тип романтического героя – одиночка-бунтарь, сверхличность – изначально устанавливает психологическую дистанцию между собой и миром, в том числе и миром женщин. Если он и проявляет интерес к женщине, то только для того, чтобы в очередной раз убедиться, что «нет в реальной действительности совершенства». Такой тип героя встречается в произведениях Дж. Байрона, П. Б. Шелли, У. Блейка, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова и др. В умонастроении таких холодных романтических героев, как правило, присутствуют элементы мизантропии и эгоцентризма. Ярким примером такого типажа является Арбенин из драмы М. Ю. Лермонтова «Станный человек» с его монологом: «Я не сотворен для людей теперешнего века и нашей страны; у них каждый обязан жертвовать толпе своими чувствами и мыслями; но я этого не могу, я везде одинаков – и потому нигде не го-жусь; не правда ли, вот очень ясное доказательство» [7, с. 218].

Второй тип романтического героя – перфекционист, эстет особого рода, который в романтической любви видит высший смысл своего существования. Однако реальные женщины ближнего социального окружения им даже не рассматриваются как предмет интереса и поклонения. Взор «перфекциониста» устремлен к далеким экзотическим странам, где можно встретить свой идеал, рисуемый в воображении. Судя по огромному массиву западноевропейской литературы, такими героями особо приветствуется представительница края, «не зараженного пороками цивилизации», дикарка, аборигенка, наделенная необычной для европейца экзотической красотой и особым накалом чувств и страстей. Такой типаж опозитивированной Западом восточной женщины хорошо описан, к примеру, в романтических повестях Ф.-Р. де Шатобриана «Атала, или Любовь дикарки», «Рене, или Последствия страстей», в «цыганских» поэмах А. С. Пушкина, восточных поэмах Дж. Байрона, в главе «Бэла» «Героя нашего времени» М. Ю. Лермонтова и многих других.

Романтический герой, с его философией эскепизма, испытывает комплекс Колумба: свое, изученное, домашнее такому герою кажется скучным, и он устремляется к неизведанным далям в надежде открыть «новый континент» женской души. Кстати, сразу отметим, что поэтика неоромантизма также сохраняет традицию идеализировать восточную женщину, незнакомку, далекую странницу, судя по произведениям русского неоромантика Ал. Грина и ориентальным новеллам британца Р. Киплинга.

Исследуя специфику женского образа в эстетике романтизма, невозможно обойти вниманием Э. По – приверженца художественной традиции “pure perfection” («чистое совершенство»). Противопоставляя теплый, мягкий, высокодуховный Юг Америки холодному, бездушному меркантильному и расчетливому Северу, Э. По рисует образ незащитных, прекрасных девушек-южанок с подчеркнuto экзотическими именами – Лигейя, Линора, Евлалия, Вирджиния и т.д. Однако все перечисленные героини американского поэта объединены архетипическим мотивом «смерть прекрасной женщины». Сосредоточенность Э. По на смертельном сюжете при изображении женского совершенства объясняется необратимым крахом американского Юга под натиском амбициозного Севера и неизбежной тоской автора по ушедшему прошлому, по утраченному идеалу.

Реализм как литературно-художественное направление и как творческий метод, вне всякого сомнения, переводит исследование гендерной картины мира на качественно новый уровень по сравнению с романтизмом. Здесь нет «приблизительных», условных, романтизированных героев и героинь, большей частью живущих

во «второй реальности», в воображаемой восточной стране. Реалистический метод, с его принципом правдивого отображения действительности, позволяет создавать «типические образы мужчины и женщины в типических обстоятельствах», так можно сказать, перефразируя слова Ф. Энгельса. Великим реалистам – Бальзаку, Стендалю, Флоберу, Диккенсу, Теккерею, Мопассану – совсем не знакомо слово «гендер», но степень их верности художественной правде оборачивается рождением потрясающих по своей объективности женских образов, по которым можно изучать мир женщины от деталей одежды того времени до психики в ее глубинных пластах. Аристократки и белошвейки Бальзака, Эмма Бовари Флобера, Эмилия Сэдди и Бекки Шарп Теккерея, Пышка (Элизабет Руссе) Мопассана – женские образы, логически связанные со своим этническим миром и конкретикой своей исторической эпохи.

Существует огромное количество подходов к гендерной проблематике. Следует признать, единой методологии анализа гендерно маркированных текстов до сих не существует. Но, на наш взгляд, современное состояние гендерного литературоведения находится в той особой точке нового старта, когда уже выстроена основная фундаментальная теория гендера, за которой должно последовать решение конкретных задач на конкретном художественном и литературоведческом материале. В частности, громадное значение имеет этногендерный ракурс исследования, поскольку за прошедшие столетия у каждого народа на планете сложились определенные полоролевые нормативы социального поведения, свои стереотипные представления о статусе женщины и мужчины. На самом деле, следует иметь в виду, что существует реальная дистанция огромного размера между социально одобряемыми гендерными ролями, к примеру, в американском и кавказском этноколлективе. Как справедливо отмечает З. А. Кучукова, «тот факт, что семантическая частица “этно” с инерционным упорством метакода присоединяется к самым различным дисциплинам, говорит о том, что существует целый комплекс гносеологических проблем, связанных с освоением этнического слоя мировой культуры» [6, с. 266].

С учетом данного обстоятельства на повестке сегодняшнего дня в особой форме актуализованы этногендерные исследования, позволяющие, переходя от абстрактного теоретизирования к конкретному анализу, крупным планом изучить образ женщины как носительницы социокультурных стереотипов определенного народа.

Таким образом, для каждого типа гендерного исследования, на наш взгляд, требуется индивидуальная методика, учитывающая множество нюансов. Во-первых, в исследовании гендерной проблематики имеет большое значение направленческий фактор, поскольку объектив романтика и объектив реалиста имеют разную художественную фокусировку и разные целевые установки. Во-вторых, в обязательном порядке следует принимать во внимание этногендерный фактор, учитывая, что в системе каждой национальной культуры сложились собственные, исторически обусловленные представления о гендерных ролях мужчины и женщины. Так, при изучении северокавказской гендерной картины мира заметны универсальные законы патриархального мира с его доминантой мужского над женским: мальчик ценнее девочки, брат важнее сестры, муж важнее жены и т.д. Однако над этой иерархической системой возвышается фигура матери с ее непререкаемым авторитетом в семейной и общественной жизни.

Список источников

1. Головкин В. М. Антропоцентрическая парадигма в литературоведении: концепция системной стратификации // Антропоцентрическая парадигма в филологии: материалы Международной научной конференции: в 2-х ч. / ред.-сост. Л. П. Егорова. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2003. Ч. I. Литературоведение. С. 16-27.
2. Гриценко Е. С., Сергеева М. В., Лалетина А. О., Бодрова А. А., Дунашева Л. Г. Гендер в британской и американской лингвокультурах: коллективная монография / под общ. ред. Е. С. Гриценко. Изд-е 2-е, стереотип. М.: ФЛИНТА; Наука, 2012. 221 с.
3. Ерохина Л. Д. Гендерология и феминология. М.: Флинта; Наука, 2009. 383 с.
4. Жукова И. Н., Лебедько М. Г., Прошина З. Г., Юзерович Н. Г. Словарь терминов межкультурной коммуникации. М.: Флинта, 2013. 629 с.
5. Карамзин Н. М. Избранные сочинения: в 2-х т. М. – Л.: Худож. литература, 1964. Т. 1. 810 с.
6. Кучукова З. А. Карачаево-балкарская вертикаль. Нальчик: Эльбрус, 2015. 301 с.
7. Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Воскресенье, 2000. Т. 5. Драммы. 618 с.
8. Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М.: Интелвак, 2003. 1597 с.
9. Пушкарёва Н. Л. Гендерная теория и историческое знание. СПб.: Алетейя, 2007. 495 с.

GENDER AS A LITERARY PROBLEM: THE METHODOLOGICAL ASPECT

Mankieva Eset Khamzatovna, Ph. D. in Philology
Lomonosov Moscow State University
aset.mankieva@mail.ru

The article considers the history of the formation of “women’s studies” as an integral part of anthropocentric philosophy and literary criticism based on the works of N. L. Pushkareva and L. D. Erokhina. The study shows the historical mobility of “gender” as a philosophical and aesthetic category, the qualitative content of which directly or indirectly depends on the value priorities of the era. The author conducts a diachronic analysis of “the gender discourse” of culture from antiquity to the era of critical realism, noting the pendulum fluctuation of feminine and masculine status in the public consciousness. The main methodological point of the article is reduced to the need to take into account “the directional factor” in analyzing the gender discourse of the literary text.

Key words and phrases: anthropology; literary criticism; gender discourse; historical diachrony; antiquity; the Middle Ages; Renaissance; Enlightenment; Romanticism; realism; methodology.